

УДК 332.14

Регион: экономика и социология, 2015, № 2 (86), с. 49–69

Л.В. Мельникова

ФЕНОМЕН «КОЛЛЕКТИВНОГО ПРЕДВИДЕНИЯ» КАК ПОБОЧНЫЙ ПРОДУКТ РЕГИОНАЛЬНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Анализируются качество стратегий социально-экономического развития субфедеральных регионов и возможности, которые создает их доступность для исследований региональной экономики, в частности для оценки правомерности оптимистических ожиданий и обоснованности прогнозов экономического роста регионов. Из отдельных региональных стратегий сконструирован прогноз роста российской экономики и оценены его базовые параметры. Прогноз представлен как результат «коллективного предвидения» регионов, подлежащий верификации. Исследование базируется на материалах доступных стратегий социально-экономического развития субфедеральных регионов на период до 2020–2030 гг. Методика исследования включает: сбор и систематизацию прогнозов, содержащихся в стратегиях; приведение ожидаемых результатов реализации стратегий в сопоставимый вид и их агрегацию по федеральным округам; сопоставительный анализ полученных сводных прогнозов по федеральным округам с комплексным прогнозом развития экономики России, выполненным на базе межрегиональной модели «затраты-выпуск». Выявлено, что прогнозы роста ВРП в случае оптимистических ожиданий зачастую содержат завышенные ориентиры и не сбалансированы с необходимыми объемами инвестиций. Оценить достижимость прогнозных ориентиров развития региональных экономик позволило использование пространственной модели «затраты-выпуск», способной учесть в прогнозе ресурсные ограничения, эффекты межрегиональных и межотраслевых взаимодействий в масштабе национальной экономики. Сдержанные прогнозы в большей степени характерны для субъектов с высоким уровнем эконо-

мического развития. Степень превышения оптимистических проектировок над сбалансированным прогнозом может служить индикатором межрегиональной конкуренции за инвестиционные ресурсы. Мету дефицитности трудовых ресурсов можно оценить, сопоставляя консолидированный демографический прогноз и имеющийся прогноз Росстата.

Ключевые слова: стратегическое планирование, долгосрочный прогноз, межрегиональная модель «затраты-выпуск»

Большинство субъектов Российской Федерации в период 2006–2008 гг. разработали стратегии социально-экономического развития региона до 2020 г. В настоящее время актуализируются действующие стратегии, идет продление горизонтов до 2025 и 2030 гг. Эти документы дают уникальный материал в плане «самопредставления» регионов, когда регион выступает не как набор отраслей или групп населения на территории, а как единый субъект, заявляющий о своем предназначении, о своих претензиях и ожиданиях. Отсюда возникает возможность исследования таких компонентов регионального «самосознания», как целеполагание, реалистичность прогнозов, обоснованность ожиданий, оценка собственных преимуществ и слабостей. Анализ представлений о будущем территорий в совокупности с оценкой совместности прогнозов позволяет оценить уровень и территориальное распределение межрегиональной конкуренции.

Потенциал подобного анализа осознается современными исследователями и по мере роста количества стратегий, разработанных в субъектах Федерации и муниципальных образованиях, привлекает все большее внимание. Актуальной представляется проблема качества стратегических документов субфедерального уровня. К первым опытам сплошного анализа стратегий относятся работы, выполненные аудиторско-консалтинговой компанией ФБК в 2006 г. [7] и НИИ системного анализа Счетной палаты РФ в 2009 г. [1]. Заметный вклад в методологию изучения и практику муниципального стратегического планирования внесли труды Б.С. Жихаревича и его сотрудников из Леонтьевского центра [4; 6]. Н.И. Ильина сосредоточивается на проблемах целеполагания в ресурсных регионах [5]. Рейтинговое агентство «Эксперт РА» разработало собственную систему оценки

качества региональных стратегий¹. Публикуются комплексные сопоставительные исследования национальных систем стратегического планирования [8]. Исследуется риторика региональных стратегий [9]. Что же касается вопросов достижимости поставленных стратегических целей, то они привлекают внимание исследователей нечасто, например в связи с финансовым кризисом, и тем более не ставятся вопросы о согласованности, обоснованности и достижимости целей развития, заявленных в стратегических документах регионов, а также о том, к чему бы привела реализация поставленных стратегических целей в масштабе всей страны.

Между тем целесообразно оценить, какое направление задает будущему России современная система регионального стратегического планирования, начинающая действовать после слома системы централизованного планирования и последующего десятилетнего отказа от любого планирования. Возможность такой оценки возникла с появлением массива долгосрочных региональных стратегий и их обязательного элемента – перспективных прогнозов социально-экономического развития региона. Цель данной статьи состоит в том, чтобы сконструировать из независимых региональных прогнозов (стратегий) прогноз роста российской экономики, оценить его базовые параметры и представить как результат «коллективного предвидения» регионов, подлежащий верификации. Отсюда следует возможность оценки реалистичности ожиданий регионов, если сопоставить их консолидированный прогноз с неким непротиворечивым прогнозом национальной экономики, выполненным для всех регионов одновременно, и таким образом верифицировать.

Методика верификации региональных прогнозов предполагает выполнение следующих процедур:

- сбор и систематизацию прогнозов, содержащихся в стратегиях;
- приведение ожидаемых результатов реализации стратегий в сопоставимый вид и их агрегацию по федеральным округам;

¹ См.: *Рейтинг* качества стратегий социально-экономического развития регионов России на апрель 2013 года: лидеры планирования. – URL: http://www.raexpert.ru/researches/regions/soc_eco_regions_04_2013 .

- сопоставительный анализ полученных сводных прогнозов по федеральным округам из комплексного прогноза развития экономики России, выполненного в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН на базе пространственной модели «затраты-выпуск» в разрезе федеральных округов.

Информационная база исследования состоит из текстов 82 документов стратегического планирования с названиями «стратегия социально-экономического развития на период до...» (реже – «концепция» или «программа»), большинство из которых имеют силу регионального закона². Эти документы доступны на сайтах администраций регионов. В некоторых регионах стратегии находятся на стадии проекта, но также доступны для обсуждения и обновляются. Горизонт предвидения в большей части документов простирается до 2020 и 2025 гг., в меньшей части рассматривается перспектива до 2030 г.

Предметом нашего интереса были долгосрочные прогнозы социально-экономического развития регионов как неотъемлемая часть стратегического планирования в регионе. Ожидаемые результаты реализации стратегии были представлены во всех стратегиях, пусть даже в виде декларируемых целевых индикаторов. Собственно прогнозы, включающие проработку различных сценариев развития экономики региона, изложение внешних и региональных сценарных условий, варианты расчеты макроэкономических индикаторов, имелись в меньшем числе регионов. Степень учета возможных альтернатив развития различалась в основном числом сценариев, подразумевающих разное качество роста.

Из всего многообразия прогнозируемых показателей для сплошного наблюдения оказалось возможным выбрать три: перспективные оценки роста ВРП, инвестиций в основной капитал и среднегодовой численности населения. И если прогнозы в отношении ВРП отсутствовали только в двух стратегиях, то прогнозы в отношении инвестиций – в семи, а демографический прогноз – в 21 стратегии. Оценки

² На момент публикации нет открытых сведений о стратегии долгосрочного развития Рязанской области.

ВРП и инвестиций на долгосрочную перспективу были представлены в виде разнообразных показателей: в темпах роста за период или в среднегодовых темпах роста, как объемные показатели в сопоставимых ценах либо (и нередко) в ценах соответствующих лет без прогноза дефлятора или даже без указания используемых цен. Прогнозы были рассчитаны на 2020, 2025, 2028 и 2030 гг. с использованием в качестве базового года 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011 или 2012 гг. в зависимости от давности принятия или актуализации стратегии. Поэтому единственным периодом пересечения всех прогнозных оценок оказался период 2011–2020 гг., который и был выбран для дальнейшего анализа. Все оценки были переведены в среднегодовые темпы роста, а в случае необходимости использовался индекс-дефлятор ВРП и инвестиций из долгосрочного прогноза до 2030 г., разработанного Минэкономразвития России.

Из опубликованного числа вариантов прогнозов выбирались крайние, соответствующие минимальной и максимальной оценкам роста. Это были в основном «инерционный» и «инновационный» варианты прогноза, поскольку «энерго-сырьевой» вариант, как правило, занимал промежуточное положение по темпам роста. Так был сформирован массив показателей, характеризующих обобщенные «пессимистический» и «оптимистический» варианты региональных прогнозов для 83 субъектов Федерации. Для того чтобы получить агрегированные индикаторы по России в целом, требовалось восполнить недостающие прогнозные оценки. Поэтому в случае отсутствия инерционного прогноза роста ВРП (23 региона) или роста инвестиций (27 регионов) выставлялись фактические темпы роста показателя за предпрогнозный период, не превышающие оптимистическую оценку, либо бралась оптимистическая оценка. В случае отсутствия оптимистического прогноза роста ВРП (два региона) или роста инвестиций (восемь регионов) выставлялись фактические темпы роста показателя за предпрогнозный период. В случае отсутствия демографического прогноза в большинстве случаев выставлялся средний вариант прогноза Росстата в отношении среднегодовой численности населения до 2030 г.

В результате для 83 регионов были получены оценки роста ВРП и инвестиций до 2020 г. по отношению к 2010 г. и, соответственно,

объемы ВРП и инвестиций на 2020 г. в ценах 2010 г. Дальнейшая агрегация позволила составить сводный прогноз роста ВРП и инвестиций по федеральным округам и Российской Федерации, сопоставимый с прогнозом, разработанным на базе оптимизационной межрегиональной межотраслевой модели. Идея состояла в том, чтобы оценить, насколько расходятся «коллективный прогноз» социально-экономического развития страны, полученный в субъектах Федерации независимо от других субъектов, и сбалансированный пространственный прогноз российской экономики, учитывающий ресурсные ограничения по труду и инвестициям и весь комплекс межотраслевых и межрегиональных экономических связей.

В настоящее время используемый прогнозный аппарат включает в себя две основные модели: точечную (динамическую межотраслевую) и пространственную (оптимизационную межрегиональную межотраслевую), формальные записи которых приведены в работе [2]. Прогнозы для России в целом выполняются на базе оптимизационной межотраслевой динамической модели. Пространственные прогнозы делаются на базе оптимизационной межрегиональной межотраслевой модели. Обе модели построены на одной информационной базе 2010 г. в разрезе 40 видов экономической деятельности, и они обеспечивают прогнозы на перспективу до 2030 г. Реализация точечной модели позволяет получить прогнозные таблицы распределения товаров и услуг в экономике и облегчает последующую постановку и реализацию ОМММ. Пространственная модель состоит из девяти региональных блоков, объединенных условиями межрегиональных транспортно-экономических связей и территориальной структуры конечного спроса. Каждый регион представлен полудинамической межотраслевой моделью с расчетом состояния экономики на последний год прогнозного периода. Набор ограничений в региональных блоках повторяет структуру точечной модели. Оптимальное решение модели представляет собой непротиворечивый набор прогнозных региональных межотраслевых балансов на прогнозный год для восьми федеральных округов с выделением Тюменской области в разрезе 40 видов деятельности. В отличие от точечной межотраслевой модели пространственная модель реализуется в полудинамической постановке.

Используется прямая рекурсия: сначала ОМММ решается на период до 2020 г., а затем на период с 2021 до 2030 г. Опыт использования модели для долгосрочного прогнозирования национальной экономики и решения различных прикладных задач обобщен в работе [3].

Региональные стратегические прогнозы рассчитываются на базе разнообразных моделей, чаще эконометрических, чем межотраслевых, о чем можно косвенно судить по набору публикуемых прогнозных показателей. Указания на вид используемых моделей чаще всего отсутствуют, а описание моделей и расчетов можно найти лишь в единичных стратегиях. В качестве внешних предпосылок прогноза стратегии используют, как правило, сценарные условия прогнозов Минэкономразвития соответствующих лет. Иногда целевые показатели экономического роста увязываются со среднероссийскими или с темпами роста соседних регионов либо просто назначаются.

В ИЭОПП СО РАН пространственный прогноз российской экономики на базе ОМММ регулярно выполняется Ю.С. Ершовым в соответствии с параметрами макроэкономического прогноза Минэкономразвития. Оценивалось три варианта развития: инерционный, энерго-сырьевой и инновационный. Для сопоставления с региональными прогнозами мы использовали версию прогноза от 2012 г., которая основывалась на оптимистических предпосылках об умеренном росте мировой экономики, об относительной стабильности внешних рынков и о сокращении численности занятых в национальной экономике. Соответственно, в случае инерционного развития прогнозировался среднегодовой прирост ВВП около 3%, по сценарию энерго-сырьевого развития – 3,6%, а по сценарию инновационного развития – 4,5%. Прогноз был выполнен на периоды 2011–2020 гг. и 2021–2030 гг., из которых нас интересовал первый.

Таким образом, имея набор изолированных региональных прогнозов и сбалансированный прогноз развития национальной экономики в разрезе отраслей, основанные на близких сценарных предпосылках, выполненные в относительно благополучные 2007–2011 гг. и приведенные в сопоставимый вид, мы получили возможность оценить уровень оптимизма регионов, проявленный при оценке ими собственных перспектив развития до 2020 г.

Сопоставительный анализ региональных прогнозов и сбалансированного пространственного прогноза дал следующие результаты.

В таблицах 1 и 2 энерго-сырьевой сценарий Минэкономразвития сопоставляется с обобщенным инерционным сценарием субъектов Федерации³, а инновационный – с оптимистическим. Прогнозы регионов представлены в виде агрегатов по федеральным округам и построены следующим образом: 1) для каждого субъекта РФ объем ВРП на 2020 г. в ценах 2010 г. был получен умножением фактического объема ВРП 2010 г. на прогнозируемый в соответствующей стратегии темп роста за 2011–2020 гг.; 2) полученные прогнозные объемы ВРП субъектов РФ суммировались по федеральным округам; 3) были рассчитаны темпы роста прогнозных объемов ВРП федеральных округов в 2020 г. в ценах 2010 г. по отношению к фактическим объемам 2010 г. и среднегодовые темпы прироста за период.

Инерционное развитие предполагает сохранение и замедление действующих тенденций. Но как видно из табл. 1, наимудшие ожидания в случае инерционного развития в региональных стратегиях оказываются более оптимистичными (4,4%), чем прогнозируемый темп роста ВРП (3,6%) по «промежуточному» сценарию энерго-сырьевого развития. Это подразумевает, что суммарный ВРП по прогнозу субъектов РФ увеличивается за период 2011–2020 гг. в 1,5 раза, а по прогнозу Минэкономразвития – в 1,4 раза. Соответственно, объем ВРП национальной экономики, ожидаемый в 2020 г. согласно «коллективному прогнозу» по инерционному варианту, превосходил сбалансированный прогноз на 8%. Таким образом, нижние границы независимых региональных прогнозов и сбалансированного прогноза различаются несущественно.

В случае реализации инновационного варианта различия становятся впечатляющими: прогнозируемый регионами ежегодный темп прироста национальной экономики (6,5%) оказывается в 1,45 раза выше, чем оцененный на базе ОМММ (4,5%). Это соответствует росту ВРП

³ Рассматриваются инерционные сценарии регионов, потому что получить агрегированный прогноз по энерго-сырьевому варианту невозможно: в региональных стратегиях этот сценарий занимал промежуточное положение между инерционным и инновационным сценариями и не всегда сопровождался прогнозом.

Таблица 1

Прогноз ВРП федеральных округов по энерго-сырьевому сценарию на базе ОМММ и инерционным сценариям субъектов Федерации на период 2011–2020 гг. (среднегодовые темпы роста, %)

Источник оценки	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
Комплексный прогноз (ОМММ)	3,6	3,6	3,8	3,9	4,4	3,4	2,6	3,9	4,0
Свод региональных прогнозов	4,4	4,4	3,3	4,9	7,3	4,9	3,9	4,6	4,5
(Строка 2) – (Строка 1)	0,8	0,7	–0,5	1,0	2,9	1,5	1,3	0,7	0,5

Таблица 2

Прогноз ВРП федеральных округов по инновационному сценарию на базе ОМММ и оптимистическим сценариям субъектов Федерации на период 2011–2020 гг. (среднегодовые темпы роста, %)

Источник оценки	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
Комплексный прогноз (ОМММ)	4,5	4,5	4,6	4,7	5,3	4,3	3,5	4,6	4,8
Свод региональных прогнозов	6,5	5,9	5,5	6,4	9,6	7,1	7,5	6,8	6,8
(Строка 2) – (Строка 1)	2,0	1,4	0,9	1,7	4,3	2,8	4,0	2,2	2,0

за 10-летний период в 1,9 и 1,5 раза, так что ожидаемый объем ВРП России оказывается больше прогнозируемого на основе ОМММ на 21%. Такие различия при оценке верхних границ роста объясняются тем, что прогноз, сделанный на базе ОМММ, определялся параметрами макроэкономического прогноза Минэкономразвития, пространственный разрез которого был реализован с учетом ресурсных ограничений, а также межотраслевых и межрегиональных взаимодействий, что затруднительно сделать при построении изолированного регионального прогноза, даже если он основан на адекватной модели региональной экономики. Есть и другой важный фактор, вносящий вклад в завышение

параметров региональных прогнозов. Будучи составной частью стратегии развития – публичного документа, призванного объединить региональное сообщество амбициозными целями, региональные прогнозы неизбежно становятся «ангажированными» в том смысле, что выполняют до некоторой степени агитационную функцию.

Пространственное распределение ожидаемого объема ВРП в долгосрочных прогнозах меняется незначительно в силу инерционности данного показателя. Так, в прогнозе ИЭОПП СО РАН между округами перераспределяется 1,5% ВРП. В консолидированном прогнозе регионов перераспределяемая часть в 2 раза больше, а направления изменений противоположны. В прогнозе ИЭОПП к 2020 г. снижается удельный вес Уральского (на 1,2 п.п.) и Приволжского (на 0,3 п.п.) федеральных округов, остальные округа увеличивают свой вес на 0,1–0,2 п.п., тогда как доля Центрального округа остается стабильной (рис. 1). Конкуренция региональных прогнозов роста приводит к тому, что в целом снижается доля западной части страны: вклад Центрального федерального округа сокращается на 2,2 п.п., Северо-Западного – на 1 п.п. и Южного – на 0,1 п.п. Остальные округа увеличивают свою долю в прогнозируемом ВРП.

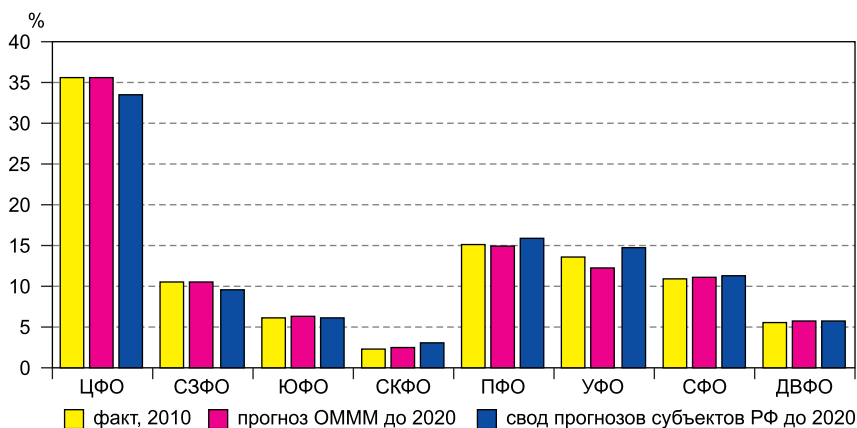

Рис. 1. Удельный вес федеральных округов в ВРП 2020 г. в соответствии с инновационным сценарием прогноза на базе ОМММ и оптимистическим сценарием независимых региональных прогнозов

Такой пространственный результат наблюдается несмотря на то, что Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа проектировали самые скромные – 3%-е темпы роста, что должно вести к сокращению их вклада в ВРП. Новая пространственная структура создается благодаря амбициям региональных «тяжеловесов» следующего эшелона, таких как Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области, Тюменская область (не рассматривающая автономные округа в своей стратегии), Свердловская, Челябинская и Новосибирская области, Красноярский край, Сахалинская область. В стратегиях этих регионов оптимистический вариант прогноза предусматривал среднегодовые темпы прироста ВРП на уровне 7–8% и выше. В то же время назначение темпов прироста ВРП в двухзначных числах в кавказских или южно-сибирских национальных республиках приводит к изменению их удельного веса в ВРП на 0,1–0,2 п.п., что в масштабах республики равносильно росту ее удельного веса в 2–3 раза. Из рисунка 2 видно, что наивысший уровень такой конкуренции прогнозов наблюдается в регионах Северо-Кавказского федерального округа, что влечет за собой превышение темпов роста по округу в 1,8 раза в агрегированном прогнозе по сравнению с прогнозом ИЭОПП СО РАН, но почти не меняет позицию округа (его вклад в ВРП лишь на 0,5 п.п. больше, чем в прогнозе ИЭОПП). В целом же в оптимистических вариантах прогнозов прослеживается вполне предсказуемая обратная зависимость величины ожидаемых темпов роста от масштаба экономики региона, что подтвердил и регрессионный анализ. В инерционном варианте региональных прогнозов такой зависимости не обнаружено.

Явно завышенные оценки эффекта реализации региональных стратегий свидетельствуют не только об уровне местных амбиций и о межрегиональной конкуренции, но также о недостаточном учете ресурсных ограничений, в частности по *капиталу*. Материалы региональных прогнозов дают возможность оценить степень инвестиционного обоснования заявленных целей, поскольку в большинстве своем содержат прогнозные оценки инвестиций в основной капитал. Решение ОМММ не позволяет использовать больше инвестиционных товаров, чем их было произведено (за вычетом чистого экспорта)

в отраслях машиностроения и строительства, поэтому применяя оценки роста инвестиций из решения модели в качестве эталонных, мы можем оценить степень сбалансированности региональных прогнозов.

Как видно из таблиц 3 и 4, заявленные потребности регионов в росте инвестиций в сумме превышают возможности национальной экономики. В случае оптимистического сценария прогнозируемые объемы инвестиций могли бы быть реализованы лишь на 77%. Данные табл. 3 указывают еще на одну проблему – проблему качества разработки региональных прогнозов. Проектируя умеренные темпы роста ВРП, разработчики явно недооценили инвестиционные

Таблица 3

Прогноз инвестиций в основной капитал федеральных округов по энерго-сырьевому сценарию на базе ОМММ и инерционным сценариям субъектов Федерации до 2020 г. (среднегодовые темпы роста, %)

Источник оценки	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
Комплексный прогноз (ОМММ)	6,0	6,0	6,4	6,1	6,8	6,5	5,4	6,7	6,3
Свод региональных прогнозов	6,4	6,8	3,3	8,5	4,2	5,9	8,2	4,5	5,3
(Строка 2) – (Строка 1)	0,4	0,8	-3,1	2,4	-2,6	-0,6	2,8	-2,2	-1,0

Таблица 4

Прогноз инвестиций в основной капитал федеральных округов по инновационному сценарию на базе ОМММ и оптимистическим сценариям субъектов Федерации до 2020 г. (среднегодовые темпы роста, %)

Источник оценки	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
Комплексный прогноз (ОМММ)	7,0	6,0	7,3	6,9	7,9	7,5	6,4	7,8	7,5
Свод региональных прогнозов	9,2	8,9	6,8	9,6	8,5	8,7	11,8	8,9	7,8
(Строка 2) – (Строка 1)	2,2	2,9	-0,5	2,7	0,6	1,2	5,4	1,1	0,3

потребности в половине федеральных округов. В случае оптимистических ожиданий рост инвестиций концентрируется в Центральном и Уральском федеральном округах, что противоречит тренду предыдущего десятилетия.

По инновационному сценарию прогноза ИЭОПП в российской экономике происходит повышение нормы накопления с 24 до 31% ВРП – так же, как и в агрегате оптимистических региональных прогнозов. Но на уровне федеральных округов обнаруживается разбалансированность такой степени, что в Южном округе норма накопления возрастает в течение прогнозного периода с 39 до 52%, а в Северо-Кавказском – падает с 32 до 29%.

Другой важный фактор производства помимо капитала – *труд*, и прогноз этого компонента региональной экономики содержится в большинстве региональных стратегий в виде оценок среднегодовой численности населения или занятых в экономике. Сбалансированность прогноза с этой точки зрения несложно оценить, не прибегая к специальным модельным расчетам. Достаточно принять во внимание, что перспективный рост ВРП закладывается на фоне негативных демографических тенденций и выявленной выше межрегиональной конкуренции за инвестиции, дефицит которых скорее всего не позволит компенсировать сокращение численности занятых ростом капиталовооруженности труда.

Однако представляет интерес степень дефицитности трудовых ресурсов в регионах и возможность ее оценки на базе региональных прогнозов. В лучших региональных стратегиях прогнозы среднегодовой численности населения также выполнены в соответствии с заявленными сценариями. Во многих документах сделана оценка лишь для оптимистического варианта, часть стратегий опираются на оценки Росстата, выполненные на период до 2030 г., и в 21 стратегии демографического прогноза нет совсем. Для того чтобы получить сводный прогноз по России, отсутствующие прогнозы были восполнены средним вариантом прогноза Росстата. Поскольку рассмотрение прогноза по вариантам не представлялось возможным, имеющиеся варианты по каждому региону были усреднены. В результате появилась возможность оценить, насколько расходятся демографические прогнозы

Таблица 5

Прогноз среднегодовой численности населения федеральных округов на 2020 г. по среднему сценарию Росстата и «усредненным» сценариям субъектов Федерации, млн чел.

Федеральный округ	Факт, 2010	Прогноз Росстата до 2020	Свод прогнозов субъектов РФ до 2020	Разница в прогнозах
РФ	142,8	143,9	145,2	1,3
Центральный	38,3	39,4	39,0	-0,4
Северо-Западный	13,6	13,8	14,6	0,8
Южный	13,9	14,0	13,6	-0,4
Северо-Кавказский	9,4	9,9	10,0	0,1
Приволжский	30,0	29,2	29,4	0,2
Уральский	12,1	12,4	12,2	-0,2
Сибирский	19,3	19,1	19,7	0,6
Дальневосточный	6,3	6,0	6,6	0,6

регионов и Росстата. Таблица 5 демонстрирует, что для достижения к 2020 г. заявленных регионами стратегических целей страна нуждается в «появлении» 1,3 млн чел. и еще 1 млн чел. должны переместиться из Центрального, Южного и Уральского федеральных округов в северные и восточные районы. При всей условности такой оценки она служит индикатором степени конкуренции регионов за трудовые ресурсы, ведь в стратегиях трудодефицитных регионов (а их большинство) в оптимистических сценариях предполагается перелом демографического тренда за счет как естественного, так и миграционного прироста.

Приведет ли прогнозируемый регионами рост к усилению *межрегионального неравенства*? На этот вопрос пространственная модель «затраты-выпуск» ответа дать не может, поскольку построена в разрезе федеральных округов. Но рассматривая стратегические прогнозные оценки ВРП и численности населения на 2020 г. как панельные данные, можно попытаться тестировать гипотезу о бета-конвергенции

как зависимости темпов экономического роста от исходного уровня благосостояния региона. Для этого были рассчитаны объемы ВРП на душу населения по данным 2010 г. и соответствующие показатели в сопоставимых ценах на 2020 г. на основе региональных прогнозов ВРП и численности населения. Затем были оценены позиция каждого региона по душевому ВРП относительно среднего по стране и относительные темпы роста.

На рисунке 3 логарифм первого показателя выступает как зависимая переменная, а логарифм второго – как независимая переменная. Соответственно, в левом верхнем квадранте оказываются регионы, которые в 2010 г. были беднейшими и при этом прогнозировали на 2011–2020 гг. самые высокие относительные темпы роста душевого ВРП: Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Тыва, Рес-

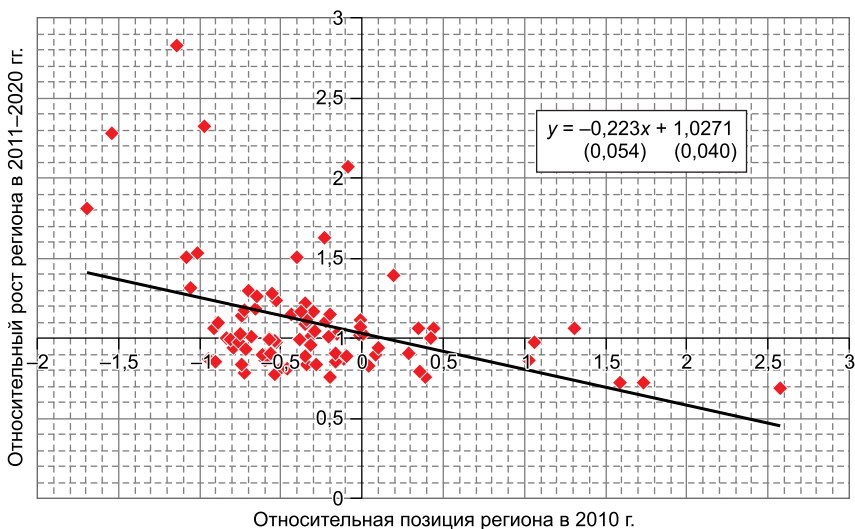

Рис. 3. Диаграмма рассеяния показателей среднегодового темпа роста ВРП на душу населения по субъектам РФ в зависимости от уровня среднедушевого ВРП региона (показатели нормированы относительно средних по стране и логарифмированы, в скобках указаны стандартные ошибки коэффициентов регрессии)

публика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика и др. В противоположной части диаграммы находятся Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа, Сахалинская и Московская области – регионы с самыми высокими душевыми доходами и самыми низкими ожиданиями в отношении экономического роста. Параметры оцененной регрессии указывают, что рассматриваемый фактор является значимым. Таким образом, реализация оптимистических прогнозов субъектов Федерации могла бы привести к смягчению межрегиональной дифференциации душевого ВРП к концу прогнозного периода, что подтверждается и соответствующим снижением дисперсии показателей.

* * *

Консолидация изолированных прогнозов роста ВРП и инвестиций в основной капитал и демографических прогнозов по всем субъектам Федерации, содержащихся в региональных стратегиях, сформированных в 2007–2012 гг. на период до 2020 г., позволила реконструировать прогнозные параметры социально-экономического развития Российской Федерации в целом на период 2011–2020 гг. Такой «реконструированный» прогноз можно интерпретировать как результат «коллективного предвидения» регионов. Сопоставление полученного агрегата прогнозов по федеральным округам и комплексного пространственного прогноза экономики РФ по соответствующим федеральным округам показало, что прогнозируемые субфедеральными регионами величины ВРП в случае оптимистических ожиданий зачастую завышены и не сбалансированы с необходимыми объемами инвестиций.

Оценить достижимость прогнозных ориентиров развития региональных экономик позволило использование пространственной модели «затраты-выпуск», способной учесть в прогнозе ресурсные ограничения, эффекты межрегиональных и межотраслевых взаимодействий в масштабе национальной экономики.

Сдержанные прогнозы в большей степени характерны для регионов с высоким уровнем экономического развития. Степень завышения

оптимистических проектировок над сбалансированным прогнозом может служить индикатором межрегиональной конкуренции за инвестиционные ресурсы. Степень дефицитности трудовых ресурсов можно оценить, сопоставляя консолидированный демографический прогноз и имеющийся прогноз Росстата.

В целом, полученный результат «коллективного прогноза» регионов не слишком выходит за границы рациональных представлений о перспективах роста российской экономики, а его выявленная разбалансированность мало влияет на пространственное распределение экономической деятельности. Противоречивые сдвиги в прогнозируемой пространственной структуре могут указывать на зоны с повышенным уровнем межрегиональной конкуренции. В этой конкурентной среде, тем не менее, оказывается возможным обнаружить тенденцию к смягчению межрегионального неравенства в прогнозируемом периоде.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ ведущей научной школе (проект НШ-775.2014.6)

Список источников

1. *Борисюк Н.К.* Организационно-методические аспекты стратегического планирования и проектного финансирования социально-экономического развития на региональном уровне. – URL: <http://www.ach-fci.ru/AKSOR/art1/libart8> (дата обращения 01.11.2013).
2. *Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М., Мельникова Л.В.* Современные постановки прикладных межрегиональных межотраслевых моделей // Исследования многорегиональных экономических систем: опыт применения оптимизационных межрегиональных межотраслевых систем / Под ред. В.И. Сулова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2007. – С. 29–59.
3. *Ершов Ю.С., Мельникова Л.В., Сулов В.И.* Практика применения оптимизационных мультирегиональных межотраслевых моделей в стратегических прогнозах российской экономики // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Социально-экономические науки. – 2009. – Т. 9, вып. 4. – С. 9–23.
4. *Жихаревич Б.С.* Подход к изучению эффективности стратегического планирования на муниципальном уровне // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4 (76). – С. 35–56.

5. *Ильина И.Н.* Перспективы развития сырьевых регионов РФ в документах стратегического планирования // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № 2. – С. 83–102.

6. *Муниципальные стратегии: десять лет спустя* / Под ред. Б.С. Жихаревича. – СПб.: Леонтьевский центр, 2011. – 136 с.

7. *Николаев И.А., Точилкина О.С.* Стратегии и программы развития регионов (сравнительный анализ) // Общество и экономика. – 2006. – № 7-8. – С. 269–287.

8. *Cabanillas F.J.J., Aliseda J.M., Gallego J.A.G., Jeong J.S.* Comparison of regional planning strategies; countywide general plans in USA and territorial plans in Spain // Land Use Policy. – 2013. – No. 30. – P. 758–773.

9. *Makarychev A.* Identity and representation in Russia's regions: adopting a critical theory perspective // Journal of Eurasian Studies. – 2012. – Iss. 3. – P. 185–192.

Информация об авторе

Мельникова Лариса Викторовна (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: larisa.svet.victorovna@gmail.com).

DOI: 10.15372/REG20150603

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 49–69

L.V. Melnikova

«COLLECTIVE PREDICTION» AS A BY-PRODUCT OF REGIONAL STRATEGIC PLANNING

The paper analyses the quality of strategies of socio-economic development for regions of Russia. It also considers the perspectives opened by these strategies being available for regional research, namely, for evaluating the appropriateness of optimistic expectations and the reasonability of regions' economic growth forecasts. The article creates a growth forecast for Russia's economy from isolated regional forecasts, estimates its basic parameters and represents it as an outcome of «collective prediction» of regions that is to be verified. This

empirical study is based on the available strategies of socio-economic development of the subjects of the Russian Federation up to 2020–2030. The method includes the following steps: collection and systematization of strategies' forecasts; transformation of expected outcomes of strategies into compatible indicators and their consolidation across federal districts; comparative analysis of the consolidated forecasts with the all-round forecast of Russia's economic development, made on the basis of a multiregional input-output model. It is revealed that optimistic growth forecasts for the GRP may often be overestimated and not coordinated with investment forecasts. In order to evaluate the achievability of forecasted regional economic development indices, we used a spatial input-output model that is capable to produce a forecast in view of resource constraints, interregional and intersectoral interactions on the scale of the national economy. Moderate forecasts are inherent mostly in highly developed regions. Excessive optimistic projections over a balanced forecast may serve as an indicator of interregional competition for investment. Scarcity of labor is evaluated by comparing consolidated regional demographic forecasts with the official demographic forecast by the Russian Federal State Statistics Service.

Keywords: strategic planning, long-term forecast, multiregional input-output model

The research was prepared within the framework of the project No. III-775.2014.6. Supported by the grant of the President of the Russian Federation for leading scientific schools

References

1. *Borisyyuk, N.K.* Organizatsionno-metodicheskie aspekty strategicheskogo planirovaniya i proektnogo finansirovaniya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya na regionalnom urovne [Organizational and methodological aspects of strategic planning and project financing of socio-economic development at the regional level]. Available at: <http://www.ach-fci.ru/AKSOR/art1/libart8> (date of access: 01.11.2013).
2. *Yershov, Yu.S., N.M. Ibragimov, L.V. Melnikova & V.I. Suslov* (Ed.) (2007). *Sovremennyye postanovki prikladnykh mezhregionalnykh mezhotraslevykh modeley* [Contemporary design of applicable multiregional multisectoral models]. *Issledovaniya mnogoregionalnykh ekonomicheskikh sistem: opyt primeneniya optimizatsionnykh mezhregionalnykh mezhotraslevykh sistem* [Studying Multiregional Economic Systems:

Application of Multiregional Multisectoral Optimization Systems]. Novosibirsk, IEOPP SO RAN [Institute of Economics and Industrial Engineering], 29–59.

3. *Yershov, Yu.S., L.V. Melnikova & V.I. Suslov* (2009). Praktika primeneniya optimizatsionnykh multiregionalnykh mezhotraslevykh modeley v strategicheskikh prognozakh rossiyskoy ekonomiki [Practice in the application of multiregional multisectoral models for strategic forecasting of Russian economy]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki [Bulletin of the Novosibirsk State University. Socio-economic sciences], vol. 9, no. 4, 9–23.

4. *Zhikharevich, B.S.* (2012). Podkhod k izucheniyu effektivnosti strategicheskogo planirovaniya na munitsipalnom urovne [An approach to assessing efficiency of strategic planning at the municipal level]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (76), 35–56.

5. *Ilyina, I.N.* (2013). Perspektivy razvitiya syryevykh regionov RF v dokumentakh strategicheskogo planirovaniya [Outlook toward the future development of primary producer regions of Russia as expressed in the documents of strategic planning]. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Public Administration Issues], 2, 83–102.

6. *Zhikharevich, B.S.* (Ed.) (2011). Munitsipalnye strategii: desyat let spustya [Municipal strategies: ten years later]. Saint-Petersburg, International Centre for Social and Economic Research «Leontief Centre», 136.

7. *Nikolaev, I.A. & O.S. Tochilkina* (2006). Strategii i programmy razvitiya regionov (sravnitelnyy analiz) [Strategies and programs of development of regions (comparative analysis)]. Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics], 7–8, 269–287.

8. *Cabanillas, F.J.J., J.M. Aliseda, J.A.G. Gallego & J.S. Jeong* (2013). Comparison of regional planning strategies; countywide general plans in USA and territorial plans in Spain. Land Use Policy, 30, 758–773.

9. *Makarychev, A.* (2012). Identity and representation in Russia's regions: adopting a critical theory perspective. Journal of Eurasian Studies, 3, 185–192.

Information about the author

Melnikova, Larisa Viktorovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: larisa.svet.victorovna@gmail.com).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 24.02.2015 г.